

в семью своего знакомого коллекционера В.И. Кравцова. Сейчас часть текстов воспоминаний хранится в собрании Одесского художественного музея, а часть – у С.З. Лущика. Оригинал отрывка, посвященного годам учения в рисовальной школе, находится в коллекции С.З. Лущика и публикуется с любезного разрешения исследователя и его семьи.

Соломон Кишиневский

Юношество

Я начал рисовать очень рано. Когда был еще маленьким, я уже писал акварелью, научился и масляной живописи. Все это я успел проделать, совсем не подозревая, что в городе имеется школа рисования и живописи. Когда я об этом узнал, с быстротою молнии схватил фуражку и стрелой пустился на Нежинскую улицу (теперь Франца Меринга), где тогда помещалась «Школа рисования и живописи» при Обществе изящных искусств. Были сумерки... Я остановился перед большим двухэтажным зданием с огромными окнами. У ворот стоял человек с угристым, багровым и немного припухшим снизу носом, с маленькими слезливыми глазами, с низким скрытым лбом и с короткими топорщащимися волосами на голове... Из-под его далеко не первой свежести пиджака выглядывала косоворотка довольно грубого холста. Рукава пиджака были длиннее рук субъекта... Добродушный вид стоявшего у ворот придал мне смелости, и я к нему подошел...

– Здравствуй, дяденька, – обратился я к субъекту.

– Здравствуй, малыш, – получил в ответ.

– Здесь Рисовальная школа?

– Да, здесь!

Я вперил свои глаза в счастливец, который живет в доме, где учат рисованию... Вступив в Школу, я узнал, что это был сторож Школы Василий.

Судьба моя была решена. Я должен сделаться художником! До этого момента я был отдан в Коммерческое училище, но коммерция не шла мне в голову, как и моему товарищу по училищу Александру Бернарди, сыну военного капельмейстера, итальянца из Милана, имевшего в городе большой успех (военные оркестры

тогда играли в общественных местах). Вместе с Бернарди мы бросили Коммерческое училище, мой товарищ пошел в музыкальное отделение при вышеназванном Обществе изящных искусств и хорошо сделал, так как сделался суфлером в итальянской опере, а потом и дирижером, и одно время даже дирижировал в Петербурге в Мариинском театре оперою «Богема». Мои родные решили уступить, и, наконец, моя заветная мечта исполнилась: я в школе! Чувство радости, охватившее меня, когда я вошел в это святилище, согревает и восхищает меня и до сих пор. Этот незабвенный момент может быть сравним только с самыми дорогими воспоминаниями моей жизни...

Учредителями Школы рисования, как и самого Общества изящных искусств, были два итальянца, Моранди¹ и Иорини². Моранди был городской архитектор. Иорини же – «консерватор», то есть директор Школы рисования, он же преподавал скульптуру. Жил при Школе, где занимал две комнаты. Моранди плохо говорил по-русски, Иорини знал несколько слов... Моим профессором по живописи был Бауэр³, художник из Мюнхена, по-русски знал не больше Иорини... Хорошо, что Моранди, Иорини и Бауэр знали французский, благодаря чему они могли друг с другом сообщаться; хорошо еще и то было, что я знал и французский, и немецкий языки и служил переводчиком... Вышеназванная тройка была главной постоянной силой. Из иностранцев, преподающих рисование, был еще художник Бони⁴, также не знавший русский язык; по черчению и акварельной живописи был художник Драго⁵, уроженец Одессы, но по происхождению француз; еще при мне был короткое время Скалеззи⁶, итальянец по происхождению, но родившийся в России, – таким образом, среди преподавателей не было ни одного русского.

Школа много нам дала, впрочем, не столько Школа, сколько атмосфера, царствовавшая в ней, мы учились друг у друга, профессура же нам почти ничего не дала... Тем не менее, повторяю, Школа много нам дала. И это там, где живой природы, в сущности, у нас не было... Главным образом мы держались на гипсе, причем пресловутая «зернистая» тушевка сильно нас сушила и изводила... По живописи мы работали исключительно *nature morte*... Нас спасала «живая» природа. Как только наступала весна, мы, ученики,

с раннего утра гурьбою отправлялись «на этюды» в окрестности города и оставались там до захода солнца, причем писали не менее четырех этюдов в день; изредка с нами ходил наш профессор Бауэр. Несмотря на то, что некоторые книги ходили по рукам, мы не знали совсем, что существует книга «История искусств»; нам был известен «Художественный журнал», издававшийся в Петербурге Александровым⁷, но попадал он нам в руки очень редко. В то время большой популярностью пользовался В.В. Верещагин⁸ – художник-баталист, впоследствии погибший на «Петропавловске» во время русско-японской войны. Знали еще, что в Мюнхене есть художник Каульбах⁹ (Вильгельм), а в Париже – Жером¹⁰ и Пювис де Шаванн¹¹. И это было все, если не считать приезда к нам из столиц «Передвижной»... Появление ее в Одессе, в нашем родном городе, было для нас каким-то откровением. С великим нетерпением всякий раз ожидали мы ее приезда... Как только она приезжала, мы с молоточками и с клещиками сейчас же являлись к управляющему выставкою, предлагая ему нашу помощь. Постучать молоточками, прибить или подправить коленкор на щитах, на которых были выставлены так долго жданные картины наших славных мастеров, было для нас почетным делом.

В то время импонировали Репин, Маковский, Шишкин, Крамской, Ярошенко, Лемох, Максимов, Неврев¹² и другие. При мне еще самостоятельно выставляли свои работы Айвазовский¹³ и акварелист Вилье¹⁴. Выставка соперника Айвазовского мариниста Руфима Судковского¹⁵ была в Малом Биржевом зале, кроме его картин были еще и его этюды, что было для меня новостью. Кисть Судковского, в отличие от живописи Айвазовского, была пастозная, бурная и смелая, в его картинах нет ни доли романтики. Вообще, Судковский – уроженец г. Очакова, живший всегда у нас в Одессе (на Соборной площади в д. Тонко), – сильно привлекал наше внимание. Когда его высокая и широкоплечая фигура с черною мягкою шляпою на голове появлялась в стенах нашей Школы, это было для нас большим и радостным событием. «Судковский, Судковский приехал!» – извещали шепотом воспитанники Школы друг друга. Какая-то бодрящая и радостная суматоха охватывала тогда всех нас... Приехавший в Одессу покойный Геннадий Александрович Ладыженский также устроил свою выставку

картин¹⁶. Это опять было большим событием в нашем городе. Его выставка была устроена в д. Маразли на бульваре против Воронцовского дворца. Картины покойного высокоталантливого пейзажиста, впоследствии профессора Одесской школы, произвели на нас сильное и бодрящее впечатление. В том же доме выставил свою знаменитую картину «Панихида» мафусаил одесской живописи Размарицын¹⁷, которую он писал что-то около десяти лет. Картина эта в Третьяковке.

Это все, чем мы питались. С нами еще изредка работал в Школе Леонид Осипович Пастернак¹⁸, который состоял студентом медицинского факультета в Москве (тогда еще не было такого факультета в Одессе), но урывками там немного работал у проф. Сорокина¹⁹; после он оставил медицинский и перешел на юридический, который он и окончил в Одессе; с нами в Школе он тоже работал урывками. Приход его к нам принес нам большую пользу. Пастернак был тогда уже готовый художник и тогда уже состоял сотрудником художником в карикатурном журнале «Оса», издававшемся у нас в Одессе²⁰; кроме того он хорошо уже владел красками и написал в Школе картину с босяка-натурщика. Зная анатомию, он нам много здесь помогал; стоя близко к печати, он знал, что делается на Западе. Благодаря ему я и узнал о большой славе мюнхенской Академии художеств, и по окончании Школы мы вместе туда уехали и поступили в Академию.

В Школу я поступил в 1880 г. и окончил ее в 1884 г. с тремя медалями. Во время моего там пребывания строилось новое здание Школы (собственное) на Преображенской ул. уг. Малого переулка, теперь № 16. Моранди собирал средства на постройку здания, и мы, ученики, помогали как могли, писали «транспаранты» (анонсы) о вечерах, доходы с которых шли на усиление средств для постройки здания, наблюдали за привозом и сохранением материалов для постройки и т. д. Всем этим делом заведовал Моранди, он же сделал проект здания, но смерть архитектора прервала его деятельность, он успел выстроить только флигель здания.

Годичные выставки школьных работ происходили в малом биржевом зале, в другом, большом зале бывшей Думы проходил торжественный акт, после чего и открывалась сама выставка. На торжественном заседании в присутствии приглашенных, в при-

сутствии властей города, родных и знакомых учащихся происходила раздача наград: в глубине большого зала импозантной архитектуры на возвышении, покрытом коврами, восседал архиерей! (если память мне не изменяет, это был Платон) – окруженный членами правления Общества изящных искусств... Удостоившихся награды вызывали по спискам, после чего награды раздавались архиереем; получавшие награды целовали руку владыки. Я ее не поцеловал... Здесь я получил свою первую медаль. Первые две были бронзовые, третья была серебряная. На одной из годовых школьных выставок произошел маленький комичный инцидент. Я написал акварель, которая изображала разбросанные по столу журналы, газеты и другие вещи, [такие] как деньги, карты... Тогда громыхал антисемит, издатель газеты «Новороссийский телеграф» некий Озмидов. Бумага все терпит... Редактор, сам Озмидов, не выпускал ни одного номера своей грязной газеты без того, чтобы не напасть на евреев... Этот Озмидов как-то попал на зубок редакции карикатурного листка «Оса», где он был изображен в виде громилы. Эту карикатуру я и перерисовал в свою акварель... Работа мне удалась и была помещена на выставке, и на видном месте. Но, увы! Она простояла на выставке всего пару дней. Придя на выставку, я ее уже не застал. Она была снята, а я получил от распорядителя выставки нагоняй: как это, мол, я смел выставлять такие вещи! Оказывается, Озмидов, получив в числе других приглашение от дирекции Школы посетить выставку, узнал тут себя в виде хулигана, изображенного среди карт и денег!

Заканчивая [рассказ] о Школе, не могу не сказать о «чудесном Иорини». Такие люди редки. Это был отзывчивый и задушевный человек. Школа, ее успехи, ее будущность были ему чрезвычайно дороги. Иорини был высокий старик крупного сложения, с густыми усами под огромным орлиным носом и короткой с проседью бородою, из-под его бровей сверкали зоркие глаза. Благодаря его добродушию и сердечности мы чувствовали себя как дома. Был ли учащийся голоден, не хватало ему пособия – кошелек Иорини был к услугам учащихся. Все, кто только с ним ни сталкивался, все, кто только с ним ни встречался, все приходили от него в восторг и в восхищение, видя в нем того, кто сохранял в себе чудеснейший дар природы – горячее любвеобильное и отзывчивое

сердце... Он был всеобщим любимцем и пользовался вполне заслуженным вниманием и уважением. Под руководством Иорини работали мой друг и товарищ скульптор Иван Павлович Паолини²¹ и Эдуардс²². Эдуардс был очень энергичен и деятелен. Он много успел и сделал много хороших вещей, одно его произведение в Ленинграде и много других у нас в музее Бродского (Одесса), он же отлил из бронзы конную статую Суворова, которая находится во дворе музея. Эдуардс принадлежал к «высшему обществу» и впоследствии много успел как в искусстве, так и в художественной промышленности. С наступлением Революции он эмигрировал и умер на острове Крит [ошибка: на о. Мальта], где он работал на каком-то заводе. Другое дело Паолини, который был беден, он отливал из гипса дешевые статуи, а его младший брат Луиджи разносил их по городу для продажи. Мало-помалу они выбились на дорогу и упрочили свое положение. Паолини считался одним из лучших скульпторов в городе. Его кариатиды и статуи украшают повсюду наш огромный город на очень многих первоклассных зданиях, так, [назовем] дом Руссова на Соборной площади, здание банка на углу Пушкинской и Греческой и великолепные «putti», высокий рельеф (барельеф или горельеф) из голых детских фигурок в д. Польского общества на Градоначальнической улице. Паолини выставил свои работы один-единственный раз на 1-й выставке Общества южнорусских художников в Одессе. После этого он немало работал для искусства по собственному замыслу – но выставлять ему больше не удалось. Южнорусские с ним не ладили... Виновато ли здесь его желание обеспечить свою семью или виноваты южнорусские, об этом я судить не берусь. Теперь, после его смерти, любят его произведениями...

Профессор живописи Бауэр, художник Мюнхенской академии художеств, был старик маленького роста с короткою широкою седою и прегустою бородою и с такими же седыми огромными, закопченными от вечного курения усами. Густые брови покрывали безмятежный взгляд его светло-серых глаз. Бауэр всегда носил мягкую черную с широкими полями шляпу и зимою никогда не расставался со своим пледом. Он также не владел русским языком. «Что ести! – Это не карашо! – Это ести швинство! – Делать так!..» – этим ограничивалось его знание русского языка. Наш профессор

был недурной пейзажист, но писал и жанровые картины. Одна его такая картина была на тему «Ромео и Джульетта». Изображала она момент расставания влюбленных. Другая его картина – «Разрушение Иерусалима». Картина эта наполовину символического характера. Рядом с разрушенным городом был изображен и Иеремия. На переднем же плане видны были несколько евреев, занятых спекуляцией. Такой же прискорбный факт я увидел на одной из картин Ладыженского, где были изображены рабочие, занятые делом, а еврей стоит невдалеке и наблюдает...

В своей пейзажной живописи Бауэр всецело находится под влиянием художника-романтика Ротмана²³, его фрески-пейзажи в Мюнхене, в аркадах дворцового парка. Швейцарский художник Калам²⁴ тоже тогда имел сильное влияние на молодежь в Академии. Нам, учащимся в Школе, всем нравились умело написанные картины Бауэра, которые были хорошо и здраво продуманы, прекрасно поняты, умело скомпонованы, мастерски нарисованы и написаны. Две его картины в Одесском музее украинской и русской живописи им. Бродского [ныне Одесский художественный]. Но мы учились и работали в полосе 70 и 80-х гг. Это было время трезвого реализма, натурализма и демократического искусства, время хождения на село, время знакомства с «неизвестным мужичком». Бауэр же был романтик и классик с головы до ног. Это была полоса «Bieder-Meier Zeit», эпоха «тихих шепотов и сладких вздыханий», время кринолинов, боскетов, маскированных балов с неизбежными фейерверками в роскошных дворянских дворцах и усадьбах... Мы любовались картинами нашего профессора, но в то же время мы как-то их не постигали, идеология его картин была нам недоступна. Бауэр не особенно был рад, когда я и Пастернак прощались с ним, уезжая в Академию в Мюнхене. «Можно и здесь научиться», – сказал он. Но когда мы послали ему из Мюнхена наши визитные карточки, на которых значилось «студенты Мюнхенской академии художеств», он, как нам передавали, заплакал от радости. После возвращения из Академии я навестил своего профессора. Он был уже в отставке... (Отставка произошла ввиду реорганизации Школы, в Школу вступили Попов²⁵, Костанди²⁶, Ладыженский и друг.) Увидев меня, он вскочил со стула и сердечно обнял. Он постарел, но, как и прежде, был

скромен и симпатичен, он показал мне две свои новые картины – пейзажи, опять в классическом жанре, с широкими и далекими далями... «Эти два пейзажа должны гармонировать друг с другом», – сказал он мне. Два пейзажа, что в музее Бродского, тоже гармонируют друг с другом, они парные и одинакового формата – прием времени романтизма. Припоминая все картины Бауэра, я думаю, что в живописи моего профессора недоставало прозрачности, они были какие-то больно материальные, будь в них такая прозрачность, картины его больше выиграли бы, они стали бы звучными и звонкими, затрепетали бы, заговорили бы... Жалованье его было ничтожное, что-то семьдесят пять рублей в месяц; то, что он ходил в плеле и не имел шубы, уже доказывало его малую состоятельность. С Иорини его отношения были холодноваты. Когда Школу посещали Размарицын, Судковский, Бодаревский²⁷, проходя класс, где находился Бауэр, помню, они с ним не говорили, с ним не кланялись.

Экскурсия (на этюды) 1880-1884

Как-то раз преподаватель Рисовальной школы, художник-пейзажист из Мюнхенской академии Бауэр предложил нам, учащимся, поехать «на этюды», он знал одно место, где есть лесок – редкость в окрестностях Одессы. Была нанята «линейка» – так называлось крытое орудие передвижения, везомое лошадьми; «линейка» состояла из идущей вдоль одной длинной мягкой скамьи с двойными, то есть с обеих сторон, сиденьями и спинкою посередине. Пассажиры таким образом сидели друг к другу спинами; позади, поперек спинки, было еще два места, и нередко за неимением свободного места пассажир взбирался к кучеру на козлы. Благодаря удлинённой форме сооружения оно и называлось «линейкою». Такая «линейка» могла сразу забрать до тридцати человек.

Мы покатали за город, знали, что вернемся домой только к вечеру, и поэтому каждый из нас запасся провизией. Прикатив к месту, мы принялись за работу и, покончив с ней, уселись вместе

с Бауэром в круг на траву для общей трапезы. Мы храбро развязали наши узелки. Но какая картина! Что было в этих узелках? Содержимое в них было более чем скромное! А у нашего профессора, старика Бауэра, оно было не многим больше... Машинально мы переглянулись и тут же все потупились. Мы все поняли друг друга, мы все увидели, что мы – бедны... Трапеза прошла в полном молчании. Никто не проронил ни слова. Несладко было всем нам. В самое золотое время моего юношества, заканчивая Школу, на заре моего отъезда в Академию, в самое радостное для меня время – я получил удар!.. И какой! Я познал жизнь! Все для меня стало явным и очевидным!

Да и неудивительно. Это было время накопления капитала. Кругом все богатели. Крали все, кому только не было лень красть. В нашем большом портовом городе при попустительстве властей контрабанда вела обширные «операции». Крали не только в коммерческом мире, но сами представители власти; высшие чины полиции, напр., заставляли расписываться нижестоящих в получении жалованья, которое они себе присваивали, а там, дальше, в высших сферах шла игра покрупнее. Сахарозаводчики, например, входили в сделки с министрами царя, устанавливали норму цен на сахар, разумеется, как им это было выгодно.

Вот при таких обстоятельствах нам, бедным ученикам Рисовальной школы, приходилось работать, приходилось совершенствоваться в искусстве. Иорини и Бауэр умерли бедняками...

Линейка благополучно доставила всех нас обратно в город. Но не один я вернулся домой с разоренным сердцем.

Примечания

¹ Моранди Франческо (Франц Осипович; 1811-1894) – архитектор, педагог. В Одессе постоянно работал с 1841. В 1852 получил звание профессора Болонской академии. С 1865 – архитектор при городской Думе (в дальнейшем при городской управе); с 1870 – главный архитектор города. Один из основателей и многолетний руководитель Одесского общества изящных искусств, организатор и почетный директор Рисовальной школы (ОРШ), открытой при обществе.

² Иорини Луиджи Доминикович (1822-1911) – скульптор, педагог. Воспитанник Миланской АХ. В 1869 был приглашен Ф. Моранди преподавателем рисунка

и скульптуры в ОРШ, где проработал до конца жизни. С 1865 до 1884 – консерватор (директор) школы. Член Товарищества южнорусских художников.

³ Бауэр Антон (род. 1826?) – исторический и пейзажный живописец, воспитанник Мюнхенской АХ; преподаватель рисунка и живописи в ОРШ с 1869, очевидно, до ее реорганизации в 1885. Кишиневский вернулся в Одессу в 1888 – и вспоминает, что еще застал Бауэра, но в отставке.

⁴ Вероятно, Бони Пьетро (ум. в 1884) – живописец, скульптор; преподавал черчение, начала перспективы и архитектуры с 1865. Его брат, живописец и скульптор Цезарь Бони (ум. в 1904) с перерывами преподавал в ОРШ с 1866. У кого из них учился С. К., установить не удалось; вероятнее, у Пьетро.

⁵ Драго Александр Андреевич – живописец, воспитанник ОРШ (в 1866-1872), с 1873 преподавал в ОРШ перспективное черчение и элементарную архитектуру.

⁶ Сведения о Скалеси не найдены.

⁷ «Художественный журнал» – ежемесячник, выходил в 1881-1887 в Санкт-Петербурге; ред.-изд. Н.А. Александров, с середины 1886 – А. Брюккер.

⁸ Верещагин Василий Васильевич (1842-1904) – живописец, выпускник Петербургской АХ, мастер батального жанра. В 1896 и 1900 в Одессе с успехом прошли выставки художника.

⁹ Каульбах Вильгельм (1805-1874) – немецкий живописец, рисовальщик, иллюстратор.

¹⁰ Жером Жан-Леон (1824-1904) – французский живописец, рисовальщик, скульптор.

¹¹ Пюви де Шаванн Пьер-Сесиль (1824-1898) – французский живописец, график, монументалист.

¹² Репин Илья Ефимович (1844-1930), Маковский Владимир Егорович (1846-1920), Шишкин Иван Иванович (1832-1898), Крамской Иван Николаевич (1837-1887), Ярошенко Николай Александрович (1846-1898), Лемох Кирилл (Карл) Викентьевич (1841-1910), Максимов Василий Максимович (1844-1911), Неврев Николай Васильевич (1830-1904) – художники, принадлежавшие к Товариществу передвижников.

¹³ Айвазовский Иван Константинович (1817-1900) – крупнейший российский маринист; академик живописи и живописец Главного морского штаба с 1844. Неоднократно с середины 1840-х до конца 1890-х устраивал выставки в Одессе. Член Товарищества южнорусских художников.

¹⁴ Вилье де Лиль-Адан Эмилий Самойлович (1843-1889) – живописец-акварелист; служил жандармским офицером, одновременно занимался искусством. Преподавал акварель в ОРШ в 1860-е и 1880-е; в 1880-е также в школе Общества поощрения художеств в Петербурге. Выставки в Одессе прошли в 1887 и в 1890 (посмертно, как отдел выставки ТЮРХ).

¹⁵ Судковский Руфин Гаврилович (1850-1885) – художник-маринист, воспитанник АХ в Петербурге; уроженец Очакова. Персональные выставки в Одессе

состоялись в 1876, 1880, 1884 и 1885 (посмертно). В тексте речь идет, очевидно, о выставке 1884 – в том же году в городе прошла и выставка И.К. Айвазовского.

¹⁶ Ладьяженский Геннадий Александрович (1853-1916) – живописец, акварелист, воспитанник АХ в Петербурге. С 1884 по 1914 преподавал в ОРШ. Академик живописи с 1910. Персональные выставки в Одессе состоялись в 1886 и 1899. Кишиневский имеет в виду выставку 1886.

¹⁷ Размарицын Афанасий Прокофьевич (1844 – после 1918) – живописец, учился в АХ в Дюссельдорфе. Академик живописи с 1910. Выставки художника в Одессе прошли в 1884 и в 1889 (совм. с Н.К. Бодаревским). Картина «Панихида» (1882) впервые была показана на выставке ТПХВ 1883. Приобретена П.М. Третьяковым для его галереи.

¹⁸ Пастернак Леонид Осипович (1862-1945) живописец, график, отец поэта Бориса Пастернака. В 1879-1881 учился в ОРШ. В 1881 поступил в Московский университет, но уже в 1882 перевелся в Новороссийский. В 1883 вместе с Кишиневским уехал в Мюнхен, оба продолжили учебу в Баварской АХ. По возвращении преподавал, работал как живописец и иллюстратор. С 1921 в эмиграции, сначала в Германии, а с 1939 – в Англии (Оксфорд).

¹⁹ Сорокин Евграф Семенович (1822-1892) – профессор живописи, преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества; Пастернак брал у него частные уроки, будучи студентом Московского университета.

²⁰ Ошибка мемуариста: журнал назывался «Пчелка», издавался с 1881 по 1889. Пастернак сотрудничал также в одесском журнале «Маяк», выходившем в 1881-1883. К сотрудничеству в журналах молодого художника привлек популярный одесский фельетонист М.Ф. Фрейденберг (псевдоним – Оса).

²¹ Паolini Иван Павлович (1860-е – 1930-е?) – скульптор. В ОРШ учился в 1880-1885. Участвовал в Одессе в выставках ТЮРХ (1890, 1891), домоустройства (1895), весенних выставках 1896 и 1897 (орг. совм. с Кишиневским и скульпт. Я. Бродским), юбилейной выставке бывш. учеников ОРШ 1900.

²² Эдуардс Борис Васильевич (1860-1924) – скульптор; учился в ОРШ с 1876 по 1881. В Русском музее (СПб.) с 1897 хранился его горельеф «Слава в вышних Богу» (1896). Еще три работы поступили в собрание ГРМ в 1950-е. Бронзовая конная статуя А.В. Суворова после отъезда автора в эмиграцию в течение нескольких лет оставалась во дворике его бывшей мастерской в пер. Ляпунова, в 1930-40-е ее установили во дворе музея и, наконец, в августе 1945 перевезли в Измаил.

²³ Роттман Карл (1797/98-1850) – немецкий живописец, акварелист. Работал в Германии и Италии.

²⁴ Калам Александр (1810-1864) – швейцарский живописец, график, миниатюрист.

²⁵ Попов Александр Андреевич (1852-1919) – живописец, окончил АХ в Петербурге. В 1885 получил звание академика, в том же году назначен заведующим рисовальной школой (в 1884-1888 общее руководство рисовальной школой и открытыми в 1885 общеобразовательными классами осуществлял Н.П. Кондаков).

²⁶ Костанди Кириак Константинович (1852-1921) – живописец, учился в ОРШ (1870-1874) и в АХ (1874-1882). С 1885 до конца жизни преподавал в ОРШ/ОХУ. Член Товариществ передвижников и южнорусских. С 1907 – академик живописи.

²⁷ Бодаревский Николай Корнильевич (1850-1921) – живописец. В 1865-1868 учился в ОРШ. Окончил АХ в Петербурге по классу исторической живописи. С 1908 академик живописи. Член ТЮРХ.

Публикация, комментарии Ольги Барковской

